

Следующие несколько дней Тан Юй больше не видел Цинь Шилюя. Поначалу Тан Юй не придавал этому значения, но позже, спросив у тётки Чжан, узнал, что Цинь Шилюй уехал в командировку.

Тан Юй почувствовал облегчение: этот великий злодей наконец-то вспомнил, что нужно работать и зарабатывать деньги.

В конференц-зале филиала в Тунъяне, когда тётка Чжан отправила сообщение, Цинь Шилюй как раз проводил совещание. В зале все высокопоставленные сотрудники затаили дыхание из-за присутствия молодого президента. Короткий звонок мобильного телефона прозвучал особенно резко, отчего и без того напряжённая атмосфера в конференц-зале стала ещё более гнетущей.

Несколько начальников отделов переглянулись, гадая, у кого не хватило ума не выключить звук на совещании, а затем увидели, как большой босс взял телефон...

Строительство оранжереи уже началось. Тан Юй эти дни следил за работой и не выходил из дома, а сегодня откуда-то достал ключи от машины и сказал, что отлучится.

Перед отъездом Цинь Шилюй велел тётке Чжан немедленно сообщать ему, если Тан Юй выйдет из дома.

Тётка Чжан: [Молодой господин Тан уехал на машине.]

Глядя на ледяное выражение лица Цинь Шилюя, люди в конференц-зале боялись даже дышать.

Филиал два года назад был передан под управление третьего дяди Цинь Шилюя. Цинь Чуну было неприятно, что Цинь Шилюй вдруг приехал и начал всем указывать, но он ничего не мог сказать, ведь главная компания была лично передана стариком Цинь Шилюю, и как генеральный директор компании он имел право вмешиваться в любые дела филиала.

Цинь Чун: — Шилюй, у тебя всё в порядке?

У Цинь Чуна было два брата, но старик Цинь обошел их, сыновей, и передал компанию внуку. Цинь Чун был недоволен этим не первый день и всё надеялся найти хоть какой-нибудь компромат на Цинь Шилюя, чтобы старик разочаровался в нём.

Но этот парень был осторожен в делах и никогда не делал ничего предосудительного. В то время как его собственный сын, ещё не достигнув совершеннолетия, заставлял его повсюду разгребать дерьмо, Цинь Шилюй, напротив, ничего такого не делал — только, мать его, умел зарабатывать деньги!

Впрочем, недавно до Цинь Чуна дошли слухи, что Цинь Шилюй приютил кого-то, и у этого человека какие-то тёмные и неясные отношения со вторым из семьи Сяо.

Цинь Чун сказал: — Если у тебя дела, можешь уйти. Бухгалтерские отчёты компании я велю подготовить и отправить тебе.

Цинь Шилую, с мрачным лицом, убрал телефон. — Не нужно, продолжаем.

Ли Чэн по его выражению понял, что сообщение, скорее всего, касалось Тан Юя. На второй день после получения свидетельства о браке уехать в командировку — притом что никакой необходимости в командировке не было, он просто сел в самолёт и полетел куда глаза глядят. Похоже, ссора была серьёзной.

Ли Чэн считал, что это даже хорошо: пока он не завяз слишком глубоко, пусть старается выбраться, пока может.

Через десять минут телефон коротко звякнул, прервав доклад начальника отдела продаж. Цинь Шилую взял телефон и взглянул: снова сообщение от тёти Чжан: [Он вернулся.]

Цинь Шилую: [Спроси, куда он ходил.]

Вышел и так быстро вернулся — Цинь Шилую подумал, что Тан Юй что-то забыл и пришёл обратно.

Увидев, что он убрал телефон, начальник отдела продаж продолжил доклад, но едва произнёс два слова, как телефон снова зазвонил.

Начальник отдела продаж: «...»

Тётя Чжан: [Он ходил за посылкой к воротам квартала.]

Цинь Шилую: «?» Что за посылка такая большая, что за ней нужно ехать на машине?

Посылка была не такой уж большой, но их было много — полный багажник, внушительное количество.

Рабочие, строившие оранжерею, никогда не видели такого размаха. Если бы они не знали, что это невозможно, они бы подумали, что тут открыли почтовое отделение.

Тётя Чжан помогала заносить коробки в дом: — И что же ты всего накупил?

Тан Юй, вскрывая одну из них, ответил: — Всё, что нужно.

Вещей было действительно очень много. Тётя Чжан помогала ему распаковывать и, увидев

содержимое, поняла, что он не соврал: действительно, всё было необходимо в быту — от зубных щёток и полотенец до подушек и валиков для дивана...

На первый взгляд, всё это были мелкие, неприметные вещицы, но стоило взглянуть на приложенные чеки, как тётя Чжан чуть не подскочила.

Младший господин Цинь, конечно, умел сорить деньгами: всё, что он ел и использовал, было недешёвым, но чтобы одно полотенце стоило три тысячи юаней — такого она ещё не видела. А ещё разноцветные флакончики, штук десять разных, непонятно с чем внутри, но ценники на них были с пятью цифрами.

Она взяла маленький флакончик размером меньше половины ладони и спросила: — А это что?

Тан Юй: — Эфирное масло для ванн.

В последние дни он не принимал ванну с маслом, и кожа стала сухой, совсем некомфортно. К тому же полотенца были недостаточно мягкими и натирали кожу.

Раз уж он решил здесь жить, эти вещи всё равно пришлось бы покупать рано или поздно. Поэтому он заказал всё сразу — до тех пор, пока на банковской карте не высветилось уведомление о недостатке средств.

Тан Юй, который никогда не знал границ в тратах, тогда долго стоял в оцепенении... Неужели на банковской карте может закончиться баланс? Похоже, этот банк скоро обанкротится!

Тётя Чжан сфотографировала Тан Юя, сидящего среди горы коробок и распаковывающего покупки, и отправила снимок Цинь Шилюю.

В конференц-зале выражение лица Цинь Шилюя странным образом улучшилось.

На фото человек сосредоточенно распаковывал коробки, рядом лежали две только что извлечённые декоративные подушки. Сидящий в окружении покупок Тан Юй выглядел необычайно послушным.

Цинь Шилюю нравилось видеть его покладистым — и в реальности, и на фотографии.

Цинь Чуну было интересно, кто же этот человек, способный заставить его племянника, эту ледяную глыбу, за одну минуту сменить грозу на ясную погоду, меняя выражение лица быстрее, чем интернет-стикеры.

Оставшаяся часть совещания прошла гладко. Почти всё время Цинь Шилюй смотрел в телефон. Лишившись гнетущего присутствия босса, руководители отделов докладывали без

запинки.

Выходя из конференц-зала, Цинь Шилюй наконец заблокировал экран телефона. Ли Чэн успел заметить только, что это была какая-то фотография, кажется, кучи вещей, но разглядеть ничего не смог.

— Ли Чэн.

Ли Чэн пришёл в себя: — Господин Цинь, вы что-то сказали?

Цинь Шилюй: — Закажи билет на завтра, возвращаемся.

Цинь Чун не понимал, зачем он вообще приезжал. Сказал — инспекция, а в итоге ничего не сделал. — Шилюй, ты уже уезжаешь? Не хочешь побыть ещё несколько дней?

Цинь Шилюй: — Нет.

Он и так не особо хотел вмешиваться в его местные дела.

Тон Цинь Шилюя был равнодушен, и Цинь Чун не стал его удерживать: — В следующем месяце у Тунтун день рождения. Старик хочет устроить праздник по всем правилам. Шилюй, ты уже не маленький. Смотри, Тунтун уже шесть лет, а рядом с тобой до сих пор никого нет. Ты не вечно должен заниматься делами компании, подумай и о себе. Слышал, твоя мать повсюду подыскивает тебе пару. Как успехи, есть кто-то, кто пришёлся по душе? Шицзюнь знает много людей, может, я попрошу его познакомить тебя с кем-нибудь.

Тунтун был внуком Цинь Чуна. То, что у него в таком возрасте уже такой взрослый внук, было заслугой его прекрасного сына, Цинь Шицзюня.

Цинь Тунтуну было шесть лет, а его отцу, Цинь Шицзюню, только что исполнилось двадцать пять. Иными словами, ребёнок появился у Цинь Шицзюня ещё до его совершеннолетия.

Когда это случилось, семья потратила немало сил, чтобы замять скандал. Главным образом потому, что девушка не была сговорчивой и покладистой. Когда она сошлась с Цинь Шицзюнем, она сама ещё была несовершеннолетней. Узнав о беременности, Цинь Шицзюнь сразу захотел с ней расстаться. Тогда девушка, которой не исполнилось и восемнадцати, прямо с животом пришла к старику. Старик, к его чести, не сказал таких бесчеловечных слов, как «избавься от ребёнка», а просто, вернувшись домой, устроил Цинь Шицзюню порку по всем правилам домашнего уклада, едва не до смерти.

За эти годы брака они жили каждый своей жизнью, а ребёнок, имея и отца, и мать, рос почти как сирота. Всё это время мальчик жил у старика.

Цинь Чун, конечно, был рад: его собственный внук, кровная линия — чем ближе он будет к старику, тем лучше, и при разделе имущества у них будет ещё один голос.

Цинь Шилую в этом году исполнилось тридцать. Линь И целыми днями устраивала ему свидания. Цинь Чун знал, что это его раздражает, и намеренно решил подколоть.

Но на этот раз он случайно попал в точку. Цинь Шилую взглянул на него, сунул руку в карман — и ничего не нащупал.

Сидевший рядом Ли Чэн, увидев, как он шарит по карманам, чуть не поседел.

Нет, только не это? Неужели ты собираешься достать свидетельство о браке и сунуть его в лицо своему третьему дяде? Это же по-детски!

Но именно так по-детски и поступил бы Цинь Шилую. Вспомнив, что утром переоделся и свидетельство должно быть в кармане другой куртки, он мысленно цокнул и сказал: — Не стоит тебе, третий дядя, беспокоиться о моих делах. Есть у тебя свободное время, лучше проверь, где сейчас Цинь Шицзюнь. Как бы он опять не оказался в постели какой-нибудь несовершеннолетней.

В этот момент открылись двери лифта. Цинь Шилую, не дожидаясь реакции Цинь Чуна, шагнул в кабину и сразу нажал кнопку закрытия дверей.

Когда двери лифта закрылись, в последнюю щёлку Цинь Шилую увидел искажённое лицо Цинь Чуна и немного пожалел: — Надо было сказать ему, что я женат.

Ли Чэн: «...» Хорошо, что ты не сказал. Кто знает, когда ты разведёшься.

<http://bllate.org/book/18835/1834721>